

**Отношение азербайджанских учёных к преемственности традиций
Пушкина и Гоголя в творчестве Фёдора Достоевского**

Айда Фейзуллаева

Доктор филологических наук

Институт литературы имени Низами Гянджеви НАНА. Азербайджан.

E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Резюме. В статье выдвигается и находит своё отражение одна из актуальных проблем литературоведения – преемственность традиций. Она заключается в идейно-образных решениях указанных писателей (Пушкина и Гоголя) в поисках нравственного идеала. Изучение трудов азербайджанских учёных М.Г.Годжаева и И.И.Агаевой помогает автору на основе интерпретаций и обобщений в выявлении искомым традиций в знаменитых романах писателя-«духоведа».

Ключевые слова: преемственность, традиции, Пушкин, Гоголь, поиски, религиозно-нравственный идеал, Достоевский, романы, отображение, решение

**The attitude of Azerbaijani scholars towards the continuity
of Pushkin and Gogol traditions in the works of Fyodor Dostoyevsky**

Aida Feyzullayeva

Doctor of Philological Sciences

Institute of Literature named after Nizami Ganjavi of ANAS. Azerbaijan.

E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Abstract. The article argues continuity of traditions as a topical issue for literary criticism, focusing on Pushkin and Gogol's figurative, ideological solutions during search for religious-moral ideals. Famous novels by the spiritualist writer Dostoyevsky provide continuity for Pushkin and Gogol's traditional reflections. The legacy of Dostoyevsky's reflections were studied systematically and in-depth by the Azerbaijani scholars like M.G.Gojaev and I.I.Aghayeva, and the article reflects on the role of traditional continuity through the prism of their research.

Keywords: legacy, traditions, Pushkin, Gogol, searches, religious-moral ideals, Dostoyevsky, novels, reflection, solution

Введение / Introduction

Изучать Толстого и Достоевского значит разгадывать «тайну Пушкина» в новой русской поэзии – ту великую тайну, о которой упомянул Достоевский в последних столь пророческих словах пушкинской речи: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Со времени вступления на литературное поприще до самой смерти писателя творчество Пушкина оставалось для него предметом напряжённых раздумий. Достоевский

не только постоянно перечитывал произведения поэта, он настойчиво стремился осмыслить для современного и будущих поколений пророческое их значение, что сопровождалось разгадыванием тайн великого мыслителя. «Разгадывая «тайну Пушкина», – как отмечает азербайджанский учёный-достоевковед М.Г.Годжаев, – Достоевский приходит к утверждению одной из главных своих идей – идеи об органической целостности и единстве культуры всего человечества» [3, с.124].

Главная часть / Main part

Острое ощущение своей эпохи помогло Достоевскому глубоко проникнуть в тайны античной эпохи, изображённой Пушкиным в незаконченной поэме «Египетские ночи», в которой описывается характер и драматичная судьба царицы Клеопатры. Достоевский ценил эту поэму и не раз обращался к ней. Писателя-«духоведа» интересовал характер Клеопатры, нравственно-психологическое состояние красивой и властной женщины, продавшей свою любовь ценою жизни своих поклонников, в чём выражается недовольство и неудовлетворённость женщины своим положением в обществе. «Предпринятая М.Годжаевым попытка уяснения традиции «Египетских ночей» Пушкина в романе «Идиот» Достоевского реализуется на основе сопоставительного анализа характеров Клеопатры и Настасьи Филипповны, как символов крушения языческих и соответственно христианских представлений о женской красоте и духовности» [6, с.33].

Достоевский неоднократно указывал на «всемирность и всечеловечность гения Пушкина, вместившего чужие гении в душе своей, как родные». И в художественном творчестве он проявлял эту всемирность стремления русского духа. Достоевский воспринимает Пушкина как великого поэта-мыслителя, отличающегося пророческим

значением творчества. И именно Пушкин, благодаря величию своего гения и пророческому значению всей своей поэзии, наиболее полно и всесторонне воплотил основные вопросы всей русской истории XIX века. Достоевский видел в Пушкине создателя образов, воплотивших такие явления, которые в эпоху самого Пушкина находились ещё в зародыше. В созданных Пушкиным формах, жанрах, типах, характерах содержались истоки всей последующей русской литературы. В «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевским высказывается мысль о том, что «...не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов» [5, с.447].

Изучающая тему нравственно-религиозного идеала в творчестве русских поэтов и писателей первой половины XIX века азербайджанский учёный-литературовед И.И.Агаева усматривает его связь с философско-религиозной мыслью П.Я.Чаадаева. С Чаадаевым Пушкина с начала 30-х годов сближает высокий религиозный поиск истины.

– Через искусство, красоту, любовь Пушкин постигает божественное величие мира и человека. Красота и любовь открывают путь к истине и добру, с них начинается духовное пробуждение и преобразование личности.

– Письмо Татьяны есть полное, завершённое выражение личности. До идеала героини надо духовно дорасти и её создать.

...Татьяна избирает путь нравственного подвижничества. Религиозный смысл её подвижничества – в смирении. Смирение – это не покорность сильному и тем более – не рабство. Это – готовность посвятить свою жизнь исполнению долга перед богом, совестью, смирением личной гордыни.

– Духовная свобода Татьяны, её независимость удивляют, поражают Пушкина, открывающего вместе со своей героиней новый, глубинный смысл свободы – духовно-религиозный» [1, с.44–45; 52].

– Идея Бога у Пушкина универсальна, общечеловечна, общенациональна. Как известно, «Подражания Корану» представляют собой вольную стилизацию соответствующих сур Корана.

Ярчайший духовный облик Магомета поразил не одного Пушкина. Вместе с тем, нетрудно заметить и развитие этой темы в «Пророке», в результате чего возникает звучие коранических и библейских мотивов.

– Огромен был интерес в России к выдающейся личности Магомета, объединившего в единое целое разрозненные арабские племена, открывшего им «сияющий Коран», вместе с этим утвердившего законодательства, обычаи и обряды, провозгласившего нравственные нормы мусульманского общежития.

Знакомство с Кораном для Чаадаева и Пушкина обрело силу духовного проникновения в другой мир.

– Священные книги иудеев, христиан и мусульман обретают для Пушкина providенциальный характер, который он постигает как поэт, как гражданин и как глубоко верующий человек.

– Пушкин уникален тем, что предельно точно допустил сближение земной обители и царства Божия в своём творчестве, утвердив тем самым нравственную свободу как движущую силу истории России» [1, с.64, 66, 69].

В этих тезисах, нашедших своё отражение в книге И.Агаевой, и содержатся, очевидно, искомые «тайны Пушкина» и их разгадки, усматриваемые нами как пушкинские традиции.

Достоевский, унаследовавший традиции Пушкина, проявлял большой интерес и к творчеству Гоголя. В знаменитом изречении «Я вышел из «Шинели» Гоголя» заключена идея преемственности традиций, идейно-художественных принципов близкого ему по духу писателя. В русской и мировой литературе не было другого такого писателя, который бы так мучился и страдал в поисках идеала, который бы так неверно и превратно был понят своими соотечественниками. «Одной из больших загадок русской литературы является творчество Н.В.Гоголя, которое ещё не нашло однозначной оценки в литературоведческой науке» (М.Годжаев).

В ранний период своей творческой деятельности Гоголь сильно увлекается народными песнями, обычаями жителей Малороссии. Чудеса и странные происшествия, проявления всякой нечистой силы были связаны с малороссийскими народными поверьями и преданиями, навеянными сюжетами волшебных сказок, фольклорными мотивами.

Гоголя всю жизнь преследовала тоска, порой талант давил на душу. Чрезмерно требовательный к себе, он не мог оставить после себя что-то недоделанное, не отвечающее его представлению о прекрасном. Грандиозный замысел второй части «Мёртвых душ» замыкается не столько в разоблачении русской действительности, сколько в положительных идеалах. В авторской «Исповеди» Гоголь сообщил, что сюжет «Мёртвых душ», как и сюжет «Ревизора», был дан ему Пушкиным. Гоголь писал: «Пушкин находил, что сюжет «Мёртвых душ» хорош для меня тем, что даёт полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Постепенно первоначальный замысел растянулся на предлинный роман и вырос в

грандиозный план произведения, в котором уже не с одного боку, а многосторонне изображалась крепостническая и бюрократическая Россия. ...Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотолу перу, ... которые бы изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни.

...Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать» (из «Переписки с друзьями»).

В результате такого изменения замысла получилось, что Пушкин, ожидавший от автора комического повествования на предложенный им сюжет «Мёртвых душ», не только не смеялся, слушая первые главы поэмы, но мрачнел от чтения и произнёс под конец чтения: «Боже, как грустна наша Россия».

Гоголь был неудовлетворён своим односторонним сатирическим изображением. Задача, которую ставил себе Гоголь, заключалась не столько в разоблачении русской действительности, сколько в положительных идеалах, которые должны были воплотиться в поэме. В примечаниях к «Мёртвым душам» Гоголь писал: «Что пользы поразить позорного и порочного, выставив его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного, прекрасного человека...» [4].

По собственному признанию писателя, в «Мёртвых душах» он хотел не только «показать Русь со всех сторон (что само по себе было колоссальной задачей. – А.Ф.), но засветить миру», т.е. просветить мир, выдвинуть новые идеи и указать пути и дороги для будущего России. Именно к этому призывал и ждал от него В.Белинский в своём гневном и сокрушительном письме: «Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиитизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувство человеческого достоинства. Болез-

ненной боязнию смерти, чёрта и ада веет от вашей книги».

Обращение к ирреальному миру, призракам, сверхъестественным явлениям, чудовищам, колдунам, бесовской и сатанинской силе, их образное воспроизведение на основе народных поверий и сказов было наиболее характерно для раннего периода творчества Гоголя. Однако, какое бы произведение Гоголя мы ни взяли, там есть суд и наказание, есть предшествующее этому суду разоблачение, покаяние, слёзы. Возмездие ждёт городничего в «Ревизоре», Чичикова в «Мёртвых душах». Возмездие витает над головой бедного Пискарёва из «Невского проспекта» и Чарткова из «Портрета». Гром возмездия разражается над Ковалёвым в «Носе» и над значительным лицом в «Шинели». Не говоря уже о колдуне в «Страшной мести», о судьбе философа Хомы Брута в «Вице», об Андрии в «Тарасе Бульбе», об участии Петруся в «Ночи накануне Ивана Купалы». Грех, вина наказываются публичным осмеянием и фиаско, а иногда и смертью. Но, как правило, человек у Гоголя перед всеми этими событиями сам сознаёт ужас своего поступка и готов предстать перед судом. Не Вий – страшное чудовище – убивает гоголевского героя, а страх Хомы Брута, что он переступил черту, т.е. черту, за которой следует смерть (несчастный Хома, сбившись с толку, спугал заклинания, могущие спасти его от смерти). Такова философия духа писателя-мученика и страдальца – одного из ведущих имён России, творчество которого долгое время оставалось загадочным и не нашедшим своей однозначной оценки в литературоведческой науке.

Особого внимания в этом отношении заслуживает книга И.И.Агаевой новаторским уклоном решения проблемы в контексте русской литературы первой половины XIX века, в которой впервые последовательно и убедительно доказывается, что «всё творчество Гоголя от «Вечеров» до «Переписки» подчинено единому принципу – поиску великим сатириком нравственно-религиозного идеала, прослеживается твор-

ческое восхождение Гоголя от восторга перед идеалом красоты к смеху сквозь слёзы по идеалу и от него к покаянию, смиренному перед идеалом.

И.Агаевой удалось доказать, – как отмечает проф. М.Г.Годжаев, – что сатира Гоголя выполняла иную миссию – освобождение русского общества от социальных пороков бюрократизма и меркантилизма и возрождение того живого, нравственного начала, которое лежало в глубинах национального духа. «Только при таком подходе к Гоголю становится ясно, почему Достоевский «вышел из «Шинели» Гоголя» (образное выражение подтверждения преемственности гоголевских традиций. – А.Ф.). Великий сатирик как бы подготовил почву для последующей русской литературы, прежде всего для Достоевского и Толстого, которые показали то, чего не смог и не успел показать Гоголь – возродившегося и воскресшего душой русского человека (тут прежде всего вспоминается роман Л.Толстого «Воскресение» – А.Ф.). Это возможно было в русской литературе только после Гоголя.

Толстой и Достоевский развернули в целом жизненные картины и живые характеры то, на что Гоголь только намекал. В произведениях как Толстого, так и Достоевского, заметно воздействие гоголевских традиций в идейно-образных решениях каждого из них.

...Примечательно, что за гоголевским смехом, его беспощадной критикой И.Агаева увидела то, что никто даже не хотел видеть – страдающую совесть писателя, поиски им нравственного начала, непоколебимую веру в божественное предназначение человека» [3, с.165-166].

Продолжая свои поиски в этом направлении, И.Агаева уделяет особое внимание публицистике избранных ею писателей («Выбранные места из «Переписки с друзьями» Гоголя и «Дневник писателя» Достоевского). Глубокое изучение вопроса даёт основание автору утверждать, что «Достоевский, как и его предшественник Гоголь, страстно верил, что нравственное исцеление

России придёт через религию и церковь, которая должна возглавить этот процесс.

...Путь к идеалу, который Гоголь определил как «дело души», был долгим, рассчитанным не на одно поколение и не на одно столетие. Гоголь вместе с Россией стоял у начала пути» [2, с.57]. И начинать надо было с отречения от богатства и собственности, всецело предавшись божьей воле. Гоголь постепенно отстраняет всё, что отвлекает его от поставленной цели. Великий писатель-мученик понял, что сатира не помогла, что ни «Ревизор», ни «Мёртвые души» не изменили нравственного облика страны. И тогда он обратился к публицистике, возлагая большие надежды на обширную полемику вокруг «Переписки» в деле духовного развития народа, однако ожидаемые надежды не оправдали себя.

Важная роль в раскрытии нравственного идеала Гоголя и Достоевского принадлежит их отношению к вопросам: Бог, Церковь, Народ, которые нашли своё наибольшее отражение и решение в знаменитых романах Достоевского – истинного последователя как пушкинских, так и гоголевских традиций в поисках нравственного идеала.

Преемственность традиций и новаторство, присущие творчеству Достоевского, предопределяются самобытностью писателя, чётко разграничивающего антропологическое и социальное начала в человеке, хотя новаторство социального и нравственного начал в душе человека не разрешено им до конца. «Маленький человек» стоял на социально-психологическом уровне бытия, «герой-идеолог» – на идейно-нравственном уровне жизни, герой-философ стоит на философско-религиозном уровне бытия.

На это своеобразие психологизма Достоевского обращает внимание и М.Бахтин, воспринимающий творчество Достоевского как «великий диалог» между антропологическим и социологическим началами в душе человека. Однако глубинные потребности человеческой души и глубинные законы национального духа требуют иного решения проблемы – религиозного. Не государство и справедливый общественный

строй, а церковь и гуманная религиозная вера спасёт народ, – так мыслил Достоевский, отдавая предпочтение нравствен-

ному возрождению и человека, и общества в целом.

Заключение / Conclusion

Тема монастыря, русского монашества, их роль в просвещении народа, в развитии культуры высоко оценена великими русскими писателями. «Проблема народа, его просвещения занимает важное место в публицистике Гоголя и Достоевского. Народ неотделим от церкви. Вне церкви нет на-

рода. ...В «Братьях Карамазовых» в поучении старца Зосимы выражена главная мысль Достоевского: «От народа спасение Руси. ...Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец» [2].

Литература / Literature

1. Агаева И.И. Нравственно-религиозный идеал Н.В.Гоголя в контексте русской литературы первой половины XIX века. Баку, 1998.
2. Агаева И.И. Публицистика Гоголя и Достоевского (Выбранные места из «Переписки с друзьями» и «Дневник писателя»). Баку, 2006.
3. Годжаев М.Г. Образы и характеры в литературе. Баку: Мутарджим, 2009.
4. Гоголь Н.В. Примечания к «Мёртвым душам» / Собр. соч. в 5-ти томах. Т.5. Издание второе. М., 1959.
5. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти томах. Т.26.
6. Османлы С. О некоторых аспектах интерпретаций творчества А.С.Пушкина в азербайджанском литературоведении // «Пушкин–200». Сборник статей. Баку, 1999.

Fyodor Dostoyevski yaradıcılığında Puşkin və Qoqol ənənələrinin varisliyinə Azərbaycan alimlərinin münasibəti

Aida Feyzullayeva

Filologiya elmləri doktoru

AMEA Nizami Gəncəvi adına Ədəbiyyat İnstitutu. Azərbaycan.

E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Annotasiya. Məqalədə ədəbiyyatşünaslığın aktual problemlərindən olan ənənələrin varisliyi məsələsinə toxunulur. İrəli çəkilən problemin həllində interpretasiya və ümumiləşmələr əsasında böyük bir materialın Azərbaycan alimləri M.Q.Qocayev və İ.İ.Ağayeva tərəfindən sistemli şəkildə öyrənilməsi, “ruhşünas” yazıçı Dostoyevskinin məşhur romanlarında Puşkin və Qoqol ənənələrinin işıqlandırılmasında müəllifə kömək edir.

Açar sözlər: varislik, ənənələr, Puşkin, Qoqol, axtarışlar, mənəvi ideal, Dostoyevski, romanlar, əks olunma, həlli